
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 130+165

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.050

Диалектика истины, правды и мудрости

В. В. Коромыслов

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. Н. Прянишникова.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-6115-3631. E-mail: vvk79@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на переосмысление понятия правды в его соотношении с понятиями истины и мудрости. Необходимость данного исследования продиктована обострением противоречий современного общества, связанным с недостатком стимулов к познанию объективной истины и мудрости в подходах по разрешению конфликтов. Обосновано, что целесообразно рассматривать понятие правды в диалектической связи с понятием объективной истины, в ином случае это не только способствует разрушению стимулов к познанию объективного мира и нравственному самосовершенствованию, но и приводит к жесткому столкновению различных жизненных правд индивидов и социальных групп, к обострению проблем, связанных с взаимопониманием и необходимостью нахождения компромиссов. Поэтому в качестве метода исследования выбрана диалектика, а в основу построения статьи была положена гегелевская триада «тезис – антитезис – синтез». По итогам проведенного исследования жизненная правда определяется как представление об истинном и должном, то или иное понимание ситуации и связанное с ним отношение к ней, обусловленное содержанием и состоянием внутреннего мира индивида. Показана зависимость жизненной правды от затрагиваемых ситуаций потребностей и интересов; ожиданий развития ситуации; точности, глубины и полноты полученной информации; уровня интеллектуальных способностей и компетентности. Предлагается переосмыслить понятие мудрости, которое может быть использовано для решения проблем современного общества в качестве инструмента, ненавязчиво стимулирующего людей к формированию тех установок сознания, которые бы способствовали расширению и углублению их представлений на возникающие ситуации и мир в целом, что приводило бы не только к уважительному отношению к позиции других, но и к продвижению от многоликой правды к единой, но неисчерпаемой истине, даже если направления движения к которой будут многообразны.

Ключевые слова: правда, истина, мудрость, постправда, метамодерн, метамодернизм, духовный кризис, общество потребления, конфликты, столкновение цивилизаций.

Введение. Современный мир полон иррациональности, острых противоречий и проблем, которые создают у многих ощущение, что, катясь по наклонной, он вот-вот сорвется в пропасть. Перед лицом серьезных вызовов для мирового сообщества целесообразно было бы его сплочение на основе высоких духовных ценностей и идеалов. Русская душа в такие времена всегда питалась надеждой и верой, что «сила в правде» и она рано или поздно пробьет себе дорогу к подлинному и должному, преодолев ложь и лицемерие.

Русская философия традиционно уделяла понятию правды особое внимание, вкладывая в него самые высокие духовные смыслы. Однако, на наш взгляд, понятие правды, будучи тесно связано с духовно-нравственными ориентирами для человека, производно от понятия истины, которое является его гносеологическим ориентиром. У каждого своя жизненная правда, что проявляется, в частности, в столкновении интересов и различных представлений о должном, но тогда как определить, насколько та или иная правда близка к истине? В чем та мудрость, которая, имея дело с правдами различных индивидов, социальных групп и целых народов способствует постижению истины?

Особое почтение к понятию правды в русской философской традиции неудивительно, ведь корни этого понятия уходят очень глубоко и затрагивают саму душу русского народа. Оно было интуитивно понятным и близким для русского человека, поскольку выражало его

стремление к справедливости, к жизни во благе и по истине. Русская традиция «правдоискательства» была, прежде всего, связана с православием (протопоп Аввакум, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, С. Л. Франк и другие), но также проявилась в русском социализме (А. И. Герцен, Г. В. Плеханов) и народничестве (Н. К. Михайловский), в том числе анархо-коммунизме (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и другие). Правда связывалась или со следами разумного замысла в мире, или с необходимостью духовного развития личности и совершенствования порядков в обществе согласно принципам справедливости. Понятие правды отражало тот идеал, на который направлены все духовные поиски, с которым связаны наиболее глубокие духовные переживания и который ведет «к подлинному существованию», одухотворению индивидуальной жизни, приданию ей смысла праведностью.

Тем не менее, на наш взгляд, настало время скорректировать смысл этого понятия с учетом современных реалий, достижений познания и особенностей современного словоупотребления, которое делает акцент на субъективном и преходящем характере правды [25].

Соотношение понятий «правда» и «истина» в современной философской литературе. В современной философской литературе прослеживаются две основные тенденции при рассмотрении соотношения понятий «правда» и «истина». С одной стороны, они противопоставляются на том основании, что понятие истины, связанное с рациональным обоснованием, теоретическими конструкциями и строгими научными методами, выступает как слишком абстрактное и недостаточно гибкое в отношении уникальных проявлений жизни личности, поэтому требует дополнения понятием правды как более практичным, более приближенным к качественным характеристикам жизни индивида. С другой стороны, происходит противопоставление этих понятий на том основании, что понятие правды дает возможность защиты уникальности мироощущений, потребностей и интересов индивидов от претензий понятия истины на возможность обладания объективным, окончательным, универсально применимым знанием, которые создают угрозы для свободы личности. Например, О. А. Ефремов пишет: «Обратной стороной признания некой истины как объективной выступает репрессивность и дискриминация по отношению к несогласным» [23, с. 106].

К. Х. Момджян предлагает относить понятие правды к «суждениям ценности», связанным с валюативной ориентацией человека, которая оценивает мир, соотнося его с потребностями и интересами людей и «не подлежит верификации, позволяющей отличить объективную истину от незнаний и заблуждений» [20, с. 110]. Задачу правды он видит не в познании мира, а лишь в «ценностном осознании мира, поиске смыслов человеческого существования в нем» [20, с. 121]. В отличие от правды истину К. Х. Момджян связывает с рефлексивной ориентацией, «познающей мир в собственной логике его существования, данной субъекту познания принудительно и не зависящей от его ценностных предпочтений» [20, с. 115]. Таким образом, если истина несет в себе знания о мире, то правда лишь «значимые мнения» [20, с. 116]. Тем самым К. Х. Момджян освобождает жизненную правду от «диктата истины» и одновременно стремится защитить понятие объективной истины от критики.

Р. М. Тазиев отмечает, что правда является характеристикой не только знания, но и носителя этого знания [27]. И. В. Сохань видит в правде индивидуальный способ понимания мира, связанный с возможностью самоутверждения и оправдывающими обстоятельствами, которые в условиях конфликта между должным и реалиями жизни учитывают внутреннее состояние индивида [26]. У В. В. Лимонченко правда – это то, что «конкретизирует истину в соответствии с изменчивостью жизни», придает ей целостный, завершённый вид в индивидуальных переживаниях и реализации на практике, служит мотивом человеческих поступков, придает смысл жизни и содержит оправдания ее проявлениям [16]. Д. В. Пивоваров связывает понятие правды с осваивающим познанием, итогом которого является очеловечивание, преобразование, некое одухотворение окружающего мира в соответствии с «потребным идеалом», вписывание новых элементов внешней среды в контекст содержания своего внутреннего мира. Правда у Д. В. Пивоварова – это переживание освоенного жизненного пространства, которое характеризуется той или иной степенью полноты, гармонии и удовлетворения. Ей противопоставляется истина как итог познания отчуждающего, разъединяющего субъект и объект. Такая истина рассматривается как внешняя, чуждая для индивида, в отличие от правды как истины внутренней, связанной с жизненно ценным для него [24].

У этих авторов под правдой понимаются особенности переживания и осмысления индивидом происходящего, которые определяют его оценку, отношение к определенной ситуации. Однако в понимании правды до сих пор существует и другая линия, которая продолжает

традиции русской философии, связывающие ее с центральным регулятивным мировоззренческим, гносеологическим и нормативным принципом русской духовности. Например, С. Н. Черных под правдой понимает фундаментальное духовное содержание, высшие ценности, духовный образец, идеал, через призму которого оценивается вся поступающая информация и в соответствии с которым происходит организация индивидуального жизненного пространства. Он различает правду-истину, связываемую с теоретическими положениями, и правду-справедливость как их воплощения на практике. У С. Н. Черных правда – единственно правильный порядок бытия и человеческих отношений [30]. Однако, на наш взгляд, с учетом современного словоупотребления и отсутствия единых представлений о должном, было бы более корректно говорить о том, что правда отражает наши представления об этом единственно верном порядке бытия.

Что касается сведения истины к теоретическим аспектам, а правды к практическим, то такой подход наиболее распространен. Более того, достаточно часто встречается резкое противопоставление данных понятий на этом основании [16; 24]. Однако мы считаем, что жесткое противопоставление правды истине неправомерно, скорее присоединяемся к тем, кто определяет правду как «истину на деле», «в действии». Тогда можно перефразировать известное выражение И. Канта и в известном смысле сказать, что истина без правды для индивида мертва, но в то же время жизненная правда без истины слепа.

Если говорить о тенденции противопоставления понятий истины и правды на основании угроз, которые возникают для свободы личности из-за претензий понятия истины на возможность обладания окончательным, универсально применимым знанием, то, на наш взгляд, здесь не стоит уходить в крайность. С одной стороны, нельзя не признать сами эти угрозы и не учитывать ту практику, которая проводилась в тоталитарных обществах. Нельзя также не признать все сложности, с которыми столкнулась научная мысль XX–XXI вв., когда, например, оказалось возможным создание различных работающих на практике моделей описания и объяснения одной и той же области действительности; были поставлены под сомнение или даже оказались опровергнуты многие, казалось бы, очевидные положения; в рамках квантовой физики обнаружилось проблемы с возможностью работы с «чистыми фактами», а также с причинностью, локальностью и временем, которое по интерпретациям Р. Фейнмана, Д. Крамера, Г. В. Рязанова и других в квантовой реальности может оборачиваться вспять; выявлены проблемы с интерпретацией научных фактов и текстов. Другими словами, нельзя не считаться с тем, что действительность во всей своей полноте и глубине оказалась неуловимой для четкой фиксации в виде строгих знаний о ней. Более того, в опыте, пожалуй, каждого существуют неприятные моменты, связанные с тем, что им навязывались представления об истинном, единственно верном, пренебрегая его интересами, знаниями и видением ситуации. Однако не стоит путать желание выдать свою правду за истину с самой объективной истиной. Это понятие является более глубоким и проработанным, чем это сейчас подается многими. Диалектика абсолютной и относительных истин предполагает отсутствие претензии на возможность познания всей полноты абсолютной истины, обладания всей бесконечной глубиной знаний как единого взаимосвязанного целого. Наше познание лишь способно продвигаться в этом направлении через сложный и противоречивый процесс накопления, уточнения и углубления знаний об объективном мире [7; 9; 21].

Итак, мы исходим из того, что абсолютная истина выступает идеалом познания, движение к которому предполагает определенную степень самокритичности, наличие критически-пытливого, творчески мыслящего ума, стремящегося выйти за пределы обретенных интеллектуальных способностей, преодолеть все препятствия на пути познания, шаг за шагом раздвигая границы познанного. Поэтому таким образом понятая истина не несет угрозы репрессивного характера, как раз наоборот, противопоставляемая ей жизненная правда подвержена влиянию эмоций, способных затмить рациональный, самокритичный, взвешенный подход. Когда мы говорим о правде, связанной с самыми высокими смыслами, с нашими представлениями о должном, с нашими ожиданиями от жизни, то сложно остаться беспристрастным, а тем более признать, что правда оппонентов достойна такого же уважения и внимания, как и наша. Даже если признается, что она имеет право на существование, ее важность в глазах противоположной стороны принижается, что служит препятствием для разрешения конфликтов в реальной жизненной практике.

Жизненная правда и факторы, ее определяющие. Жизненная правда, как видно из приведенного обзора, связана с особенностями переживания и осмысления действительно-

сти, которые определяют оценку ситуации. Эта оценка сопровождается, с одной стороны, чувством значимости предмета осмысления, а с другой – убежденностью в своей правоте, которые имеют разную степень интенсивности. И чем больше их интенсивность, тем больше убежденность в своей правоте накладывается на ситуацию, когда затрагиваются интересы и потребности личности, особенно когда затрагивается ее внутренний духовный стержень, задеваются струнки ее души, тем более она готова отстаивать свою правду, а значит, тем более «репрессивный» характер последняя будет нести для других.

Оценка действительности происходит в том числе и на ее соответствие ожиданиям и представлениям о должном. Эти ожидания могут быть завышены, а могут быть совсем наивны, не подкреплены ни достаточным жизненным опытом, ни глубоким анализом, выявляющим взаимосвязи и закономерности действительности. Поэтому и решения под влиянием этих ожиданий могут быть неадекватными ситуации. В то же время оценка последствий в случае неудач также будет находиться под влиянием прошлых ожиданий, что дает возможность для индивида оправдывать свое поведение и решения тем, что с его точки зрения перспективы развития ситуации выглядели иначе и его правда в том, что обстоятельства так сложились случайно, ему лишь не повезло. Речь, конечно, не о том, что всегда можно просчитать последствия принимаемых решений, а о тех крайних случаях, когда решения столь неадекватны, что последствия весьма вероятны.

Тем самым субъективность правды позволяет снизить роль ответственности за принимаемые решения или снять ее с себя совсем (мол, ничего не знаю, у каждого своя правда). Действительно, просчитать все последствия даже для профессионала в своем деле далеко не простая задача. Однако мудрость состоит в том, чтобы принять на себя всю полноту ответственности за собственные решения вне зависимости от своих ожиданий и представлений, то есть мудрость в данном случае в стремлении познать и принять истину, скорректировать свои представления с учетом полученного опыта.

Другое дело, когда предполагаемые решения вступают в противоречие с абстрактными формулировками моральных норм, не учитывающими всех тонкостей и нюансов возможных ситуаций. К примеру, И. В. Сохань отмечает, что суровая правда жизни погружает человека в атмосферу «сумерек повседневности», которая приводит его к мироощущению отсутствия в окружающем мире истины. А между тем неумолимые обстоятельства жизни ставят человека перед необходимостью выбора между должным и своими потребностями и интересами. И. В. Сохань пишет о праве каждого человека «затаиться в анонимности», временно откладывая выбор в пользу должного [26, с. 133–134]. На наш взгляд, мудрым в таких ситуациях было бы стремление найти баланс между, с одной стороны, некоторыми послаблениями в отношении выхода за рамки «буквы» морали, а с другой – возможностью придерживаться ее «духа» (если, конечно, эта мораль имеет общественную пользу).

В современной философской литературе существуют попытки обосновать наличие объективных оснований нравственного с научных позиций [17; 18]. В этом свете проблема совершенствования морали, ее конкретизации относительно многообразия уникальных жизненных ситуаций предполагает необходимость приведения ее в соответствие с объективной истиной¹, по крайней мере, более тонкого и гибкого ее отражения. Конкретность истины, видоизменение ее формы в зависимости от конкретных обстоятельств, наделяет ее способностью отражать эти обстоятельства с учетом содержания и состояния внутреннего мира человека, а значит, и учитывать правду каждого, соотнося эти правды между собой и с реализующимися в этой ситуации взаимосвязями и законами, определяющими те или иные последствия при тех или иных решениях. И если мы не можем взглянуть на ситуацию глазами других в буквальном смысле и просчитать все возможные последствия, то это еще не означает, что нет смысла к этому стремиться. В самом этом стремлении, в самокритичном, взвешенном, дальновидном подходе, в самом движении на встречу с внутренним миром другого уже есть большая ценность, значение которой сложно переоценить.

К. Х. Момджян резко противопоставляет понятия жизненной правды и истины на том основании, что правда, будучи ценностным ориентиром, не имеет отношение к познанию. Иллюстрируя свой аргумент, он отмечает, что предпочтение аскетического или гедонистического образа жизни нельзя рассматривать как гносеологически ложное или истинное [20,

¹ В силу распространенности нападок на понятие объективной истины следует пояснить, что речь идет не о независимости от сознания вообще, а о независимости от сознания исследователя.

с. 118]. С этим можно было бы согласиться, если бы не то обстоятельство, что любая оценка или предпочтение индивида, с одной стороны, осуществляется не неким чистым сознанием, а через призму сложившегося у него мировоззрения, которое адекватно реалиям в большей или меньшей мере, а с другой – склоняет к выбору определенного поведения. Таким образом, в данном случае выбор пути аскета или гедониста исходит из определенного понимания мира, которое склоняет индивида к соответствующим выводам, к тому же обычно строящимся на ожиданиях определенного желаемого результата. При этом очевидно, что различный выбор создает разные риски негативных последствий и в разной мере способствует достижению целей, собственному или общественному благополучию. Более того, в конечном счете мы все взаимозависимы, условия жизни в обществе создаются нашими совместными усилиями. С этих позиций жизненная правда с некоторым успехом может быть исследована на предмет того, насколько она способствует созданию благоприятных условий для жизни личности или всего общества.

Общественную мораль можно рассматривать как жизненную правду, общую для принимающих ее людей, хотя и всегда выраженную в сознании каждого индивидуальным образом. Как и любая жизненная правда, она в лучшем случае отражает только часть истины, относительную истину, а потому будет полезной только в определенных условиях. Точно так же, как в основе жизненной правды лежит своеобразная логика мышления, отражающая те закономерности и взаимосвязи действительности, с которыми индивид чаще всего имел дело лично в своем опыте, либо о которых получил знания, так и мораль обычно отражает общественный опыт и те знания, которые для выживания и устойчивого развития общества считаются в нем наиболее ценными. И то и другое дает людям жизненные ориентиры, которые указывают лишь магистральные направления в мышлении и поведении, однако не способны учесть все взаимосвязи, определяющие особенности развития ситуации, а потому необходимые для принятия правильных решений. Индивид или та или иная социальная группа в своих решениях и поведении встают в определенное отношение к реализующимся на тот момент взаимосвязям и законам, что в зависимости от их устойчивости и глубины определяет кратко-, средне- и долгосрочные последствия.

Итак, на наш взгляд, в основе большинства систем нравственности лежит определенная логика мышления, которая стремится учесть наиболее важные взаимосвязи для гармонизации отношений в обществе. Наши прошлые работы, опирающиеся на концепцию конкретно-всеобщего [12; 22, с. 66–92], показали возможность исследования такой логики нравственности. Конкретно-всеобщее, представляя собой всеобщие стороны и взаимосвязи, наполненные в действительности особым и единичным содержанием, содержит в себе все будущие уникальные проявления «в зачатке, в тенденции» [22, с. 70]. Были изучены механизмы конкретно-всеобщего, которые лежат в основе смысла жизни, свободы и ответственности, эгоизма и альтруизма. Также была показана возможность моделирования различных ситуаций, переживание которых наполняет эти категории для индивида уникальными смыслами. Безусловно, пережитии реальных жизненных ситуаций, особенно в их отношении к внутреннему миру личности, сложно охватить воображением исследователя, тем не менее сама возможность продвигаться в данном направлении исследования, начиная от наиболее типичных из этих ситуаций и двигаясь в сторону все более уникальных, неоценима, поскольку позволяет прогнозировать их развитие при заданных условиях, а значит, и совершенствовать с учетом этого механизмы нравственности.

Таким образом, в отличие от истины, которая хотя и в своей конкретности неисчерпаема для исследований, тем не менее дает возможность использовать ее как гносеологический ориентир, жизненная правда у различных индивидов и социальных групп может быть различной, и в ней нет оснований для универсальности. А непоколебимая убежденность в своей правоте порой делает ярых приверженцев различных правд непримиримыми противниками. Большинство самых чудовищных и беспощадных войн было столкновением именно жизненных правд, каждая из которых была подкреплена пониманием важности своих идеалов или даже фанатичной преданностью им. Это давало основания «биться» за свои представления о должном до конца, не щадя ни себя, ни других. Высокая цель впереди оправдывала средства достижения потребного будущего.

Описываемое С. Хантингтоном «столкновение цивилизаций» – это прежде всего столкновение различных ценностных ориентиров, под углом зрения которых одни и те же элементы действительности играют разную роль, создавая условия для различной оценки одной и той же ситуации. Каждая такая цивилизация имеет свои нравственные ориентиры, в отноше-

нии которых правду будут нести только определенные результаты оценки происходящего. Мы видели, как расколола мир, например, история с опубликованием карикатур на пророка Мухаммеда французским журналом карикатур Charlie Hebdo. Несмотря на след в этой истории запрещенной в России радикальной организации ИГИЛ, это не мешает говорить о том, что в этой ситуации столкнулись системы ценностей западной и исламской цивилизаций, в одной из которых приоритет отдается ценности свободы, в том числе свободы слова, печати, а в другой – свобода имеет гораздо меньшее значение, чем ответственность [29]. Такого рода столкновения ценностных ориентиров ограничивают возможности для взаимопонимания и нахождения компромиссов, особенно в условиях, когда та или иная цивилизация пытается представить свою правду как единственно верную истину и навязать ее другим народам.

Так, несмотря на серьезную критику работ С. Хантингтона и избыточные в них ошибки, неточности и упрощения, тем не менее он верно подметил некоторые современные тенденции развития человечества. С. Хантингтон дальновидно предостерегал о том, что попытки Запада «переделать» другие цивилизации по своему образу и подобию» приведут к обратному эффекту, выразившемуся, например, в росте исламского радикализма [5; 13]. Верным оказался и его прогноз о том, что Украина, по которой происходит разлом между западной и православной цивилизациями, станет важным эпицентром напряжения между ними, что приведет либо к межгосударственному вооруженному конфликту, либо к расколу Украины «по линии разлома на две части». Более того, точно подмечено, что это приведет к обострению противостояния Запада и России вплоть до уровня холодной войны [14].

В этой связи нельзя не вспомнить о понятии исторической правды, которое не сводится к простому соответствию оценок и интерпретаций документально подтвержденным фактам [6, с. 18–19]. Для разных стран и народов эта историческая правда будет отличаться, ведь те или иные ее события будут иметь для них различную важность, а значит, и нести разный смысл. Сложно понять историческую правду народов, например, без учета значения Косова поля для сербов, Палестины для мусульман и евреев, Крыма для России и так далее. В современных реалиях не всем просто понять историческую правду о победе русского народа над фашизмом и связанными с этим событиями, ведь значительная часть населения некоторых народов воевала на стороне Гитлера в надежде на независимость, идейно отвергая тоталитарный режим СССР.

С другой стороны, исторические факты – это часть какого-либо исторического процесса, реконструировать целостность которого весьма трудная, если вообще достижимая задача [10]. При подборке фактов и источников для обобщений всегда существует соблазн считать более достоверными и значимыми те, которые наиболее вписываются в позицию исследователя, а к тем, что не вписываются, отнестись с сомнением. Выявление всех взаимосвязей, определяющих развитие исторической ситуации во всех ее нюансах, даже при анализе недавних событий оказывается невозможным. В то же время при изучении этих взаимосвязей и беспристрастный исследователь может неверно расставить акценты, принять второстепенные факторы за ключевые, что уж говорить о заинтересованной стороне. Например, говоря о событиях в Крыму 2014 г., можно исходить из права народов на самоопределение, которое ранее было реализовано в случае с Косово, а можно не доверять результатам референдума, проведенного в таких условиях, и делать акцент на нерушимости границ. Выбор точки отсчета событий также может кардинально изменить картину произошедшего, поскольку отсекает предшествующие им причинно-следственные связи. Это наиболее явно выразилось в интерпретациях всех звеньев в цепочке событий, связанной с началом СВО на Украине. Так, понимание исторической правды у разных народов может быть не только различным, но и противоположным в силу самих трудностей, возникающих при интерпретации событий.

Позиция, согласно которой жизненная правда, в отличие от объективной истины, толерантна к чужим мнениям и культурам, не учитывает многие склонности человеческого мышления. Отрицание объективной истины не искореняет убежденность людей в своей правоте, а скорее лишь используется как оправдание своей предвзятости. В то же время не все видят в конфликте различных жизненных правд проблемы из-за наличия общезначимых моментов [24, с. 113]. Действительно, до тех пор, пока противоречия между интересами людей не столь остры, толерантность и стремление к солидарности справляются с ролью эффективных инструментов для снижения вероятности конфликтов. В противном случае сами по себе они остаются лишь красивыми словами в теоретических построениях, поскольку в условиях господства субъективизма и релятивизма индивид не имеет достаточных стимулов к самокритичному подходу и

развитию дисциплины сознания, столь необходимых для осознания собственных недостатков, заблуждений и работы над ними. Тогда в первую очередь задействуются простейшие механизмы интеллектуальной деятельности, связанные с некритичной верой в, казалось бы, очевидное, со склонностью выдавать желаемое за действительное, с неоправданным упрощением, домыслами и так далее. В таком случае возможностей для того, чтобы беспристрастно разобраться в ситуации с целью нахождения необходимого компромисса, гораздо меньше, и жесткое столкновение жизненных правд становится закономерным результатом.

В исследованиях жизненной правды обычно делают акцент на ее зависимость лишь от ценностных ориентиров, однако, как мы уже показали, на нее влияют и другие факторы. На наш взгляд, необходимо исходить из самой ситуации, в которой находится индивид или социальная группа. В простейшем случае это ситуация финансовой выгоды, описанная еще софистами: «Болезнь есть зло для больных, для врачей же благо». С выгодой также связаны пресловутые двойные стандарты, когда в ситуациях, в которых речь идет о государствах-союзниках и государствах-противниках, своих и чужих интересах, экономических агентах, близких и чужих людях и так далее, оценка разными сторонами оказывается разной. И дело не только в заведомом пренебрежении чужими интересами, но и в том, что сама демаркация своего/чужого накладывает свой отпечаток на особенности аналитического процесса и оценку.

О такой же ситуации, когда в противоположных позициях обеих сторон есть своя правда, можно говорить в случае войны Азербайджана и Армении за Нагорный Карабах в 2020 г. Азербайджан, пусть и поддерживаемый Турцией, реализовывал свое законное право на территории, которые были признаны за ним всем международным сообществом, но армяне, памятуя о геноциде начала XX века и притеснениях в конце 1980-х гг., были движимы собственной правдой, связанной с интересами безопасности [19]. Поэтому так важно не останавливаться на своей исторической или жизненной правде, а совершить следующий шаг, пытаться взглянуть на ситуацию глазами других.

Когда мы говорим о ситуациях, в которых идет речь о жизненной правде, то под ними понимаем не столько объективные обстоятельства, сколько жизненные ситуации такими, какими они предстают в сознании людей. Поэтому в них особое значение имеет как содержание и состояние внутреннего мира человека, так и содержание и форма подачи информации, которую он получает.

Простейшей иллюстрацией этого может служить оценка необходимости приватизации и других подобного рода решений экономистами, придерживающихся основ рыночной и плановой экономики. В зависимости от особенностей образования и культуры, которые сформировали у специалиста его образ мышления, будет разное понимание ситуации и будут сделаны разные выводы, но при этом заранее однозначно нельзя сказать, что одно более правильное, чем другое, все будет зависеть от конкретного стечения обстоятельств. В кризисные времена обычно лучше себя показывали методы плановой экономики, а в долгосрочной перспективе более эффективными оказывались рыночные механизмы. По-видимому, неслучайно одним из лидеров мирового экономического развития сейчас является Китай, который нашел способ гармоничного сочетания элементов того и другого.

Потоки информации, под влиянием которых мы находимся, в долгосрочном плане формируют наш образ мышления, а в краткосрочном способствуют определенному пониманию текущих событий, а значит, и отношению к ним. В то же время подать информацию можно по-разному, и для этого необязательно намеренно ее искажать. Можно искренне верить в определенные идеалы или авторитеты, придерживаться определенных убеждений, занимать определенную гражданскую позицию, и этого уже будет достаточно, чтобы неосознанно расставлять определенные акценты, придавать информации форму своего видения ситуации. Например, Н. А. Иващенко, говоря о принципах работы СМИ, отмечает: «Беспристрастный подход... еще не гарантирует объективности... особую роль в процессах восприятия и отражения действительности играет апперцепция, обуславливающая их зависимость от прошлого опыта и индивидуальных особенностей человека» [11, с. 340]. Более того, он указывает на то, что авторы при подготовке материалов руководствуются определенными концепциями, ориентируются на различную аудиторию, а сами нормы газетного языка предполагают наличие оценки информации, в разных жанрах разное соотношение экспрессии и стандарта [11]. Как результат, картина ситуации для реципиентов разных источников информации будет вырисовываться различная, интерпретации одних и тех же событий могут быть весьма разнообразны и противоречивы. При этом для них это будет ситуация той жизненной правды, за ко-

торию многие будут готовы бороться и даже умирать. В происходящих сейчас событиях на Украине, если оставить за скобками фронт информационной войны, некоторые оказались именно в такой ситуации.

Феномен постправды как следствие недостатка мудрости. В последнее время активно ведутся дискуссии вокруг такого феномена, как постправда. Под ним обычно понимают «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [32]. В философии это понятие используют в более широком контексте, обозначая обостряющийся кризис понятия истины. Так, А. Е. Якимов связывает понятие постправды с проблематизацией достоверности не только в политической сфере, но и в повседневности. Он выделяет такие ее характеристики, как: плюрализм, фрагментарность, потребительский характер истины, инструментальность, ситуативность. А. Е. Якимов обосновывает, что главным условием формирования рассматриваемого феномена являются «фоновые ожидания» людей [31].

А. В. Белокобыльский, В. С. Левицкий и А. В. Пилько связывают постправду с тем, что в современном мире оказывается под ударом «идеология универсального разума», стремящаяся создать единую картину мира и мировой истории, обосновать единые общечеловеческие ценности, нормы, права и свободы [20]. В. С. Левицкий видит причину этого кризиса в неудаче Западного проекта по созданию оптимального устройства общества, уходящего своими корнями в философию эпохи Просвещения. Обосновывая это, он констатирует раздробленность человечества «на автономные ценностно-смысловые субмиры», указывает на нескончаемую череду кризисов [15]. А. В. Пилько делает вывод о несостоятельности идеи Ф. Фукуямы о «конце истории» и вместо этого предлагает говорить о конце единой мировой истории [20, с. 107–108].

А. П. Козырев связывает понятие постправды с попытками современной цивилизации, если не снять с себя ответственность, то хотя бы избавиться от чувства вины, защищая образ человека как самого по себе совершенного, гармоничного от самой возможности вменения ему вины за что-либо, благодаря удобному для этого отказу от представлений о существовании объективной истины [23, с. 103–105].

К. Х. Момджян связывает этот кризис со стремлением «маниакально дискредитировать» понятие объективной истины, «не зависящей от ценностных предпочтений субъекта, доказать, что между суждениями истины и нарративами общественного мнения отсутствует принципиальная разница» [20, с. 119]. Он отмечает, что такая реакция на просвещенческую абсолютизацию истины чрезмерна и обосновывает важность понятия объективной истины, пусть и вкладывает в нее в какой-то мере феноменологический смысл. К. Х. Момджян пишет: «Ученый не может сомневаться в существовании объективной истины, не ставя под сомнение саму суть своего занятия» [20, с. 122]. Он также справедливо указывает на то, что призывы постмодернизма отказаться от «мертвящей всеобщности» и переориентировать внимание на единичное и случайное, основаны на «непонимании диалектики общего и единичного, связанных между собой как две стороны одной медали» [20, с. 121].

Действительно, здесь идет речь не о кризисе объективной истины, которая существует независимо от наших представлений и дискуссий о ней, а о кризисе понятия истины, понимаемого как жизненной правды, кризисе попыток выдать субъективную по своей природе правду (а в данном случае, прежде всего, речь идет о правде Западного проекта) за универсальную истину. А потому считаем перевод на русский язык рассматриваемого понятия как постправды вполне уместным. Представления о том, что возможно обойтись без понятия объективной истины даже как гносеологического ориентира и ограничиться такими ориентирами познания, как консенсус, общезначимость, интерсубъективность и тому подобное, закономерно столкнулись с очевидными трудностями. На наш взгляд, именно в этом заключается суть феномена постправды, который лишь обозначает ту ситуацию, когда столь явным образом обнаружилось, что даже широкие массы людей могут быть убеждены в том, что не соответствует действительности; что даже то, что веками считалось важными ценностными ориентирами для большей части прогрессивного человечества, перестало играть консолидирующую роль и, более того, стало способствовать росту напряженности в мире.

Для нас такая ситуация не выглядит удивительной. С одной стороны, О. А. Ефремовым справедливо отмечается, что в той или иной степени такие тенденции были всегда [23, с. 105], ведь они связаны с неискоренимыми склонностями человеческого мышления, самими его механизмами. С другой стороны, все более широкое просвещение общества, рост качества образования должны были бы приводить если не к устранению этих тенденций, то к их

неуклонному ослаблению. Может быть, именно поэтому, когда данное несоответствие ожидаемому стало столь очевидным, – это вызвало такой общественный резонанс. Однако усиление этих тенденций выглядит закономерным, если учесть тот факт, что в последние десятилетия культура общества и содержание образования, особенно в западных странах, стали кардинально меняться в сторону поощрения многообразия жизненных правд индивидов, какими бы они ни были, без понимания того, что свобода и индивидуальность являются важными ценностями не самими по себе, а в тесной связи с другими общечеловеческими ценностями. Без развития чувств ответственности, справедливости, любознательности, стремления к нравственному совершенствованию в целом свобода и индивидуальность теряют свое конструктивное содержание, способствуя произволу и распушенности.

Отрицание существования объективной истины снижает стимулы к серьезному, вдумчивому подходу при анализе событий, способствует тому, чтобы некритично принимать все то, что кажется убедительным, достоверным, что психологически комфортно. В этих условиях общественный консенсус будет на стороне удобной правды, на стороне красивых и понятных слоганов, благих, но оторванных от реалий лозунгов и обещаний, при этом вся сложность ситуаций будет не понята и не учтена. А это удобное поле для манипуляций общественным сознанием, в котором будет побеждать та информация, форма подачи которой наиболее продумана в целях завладения умами и сердцами людей.

В этом свете выглядят закономерными не только ситуация с кризисом солидарности, но и все те негативные тенденции в современном обществе, которые получили выражение в собирательном образе «общества потребления». В условиях отсутствия серьезных стимулов для познания и самосовершенствования жизненным приоритетом все чаще становится лишь потребление. Ярким примером этого служит кризис мирового государственного долга, который в том числе связан с тем, что к власти гораздо чаще начали приходить политики популистского толка, руководствующиеся вовсе не дальновидным анализом, а сиюминутной выгодой в политической борьбе. В результате рост уровня жизни во многих странах обеспечивался за счет будущего, необоснованно и чрезмерно раздувались дефициты бюджетов, которые покрывались увеличением государственного долга и денежной эмиссией, что в конечном счете привело, с одной стороны, к рекордной за 40 лет инфляции (в некоторых странах, например, в США, еще до событий на Украине), а с другой – к невозможности с ней полноценно бороться из-за серьезных угроз для макроэкономической стабильности при ужесточении монетарной политики [1; 4; 8].

Таким образом, можно констатировать, что кризис современной цивилизации во многом является результатом удовлетворенности собственной жизненной правдой и отсутствия заложенных в культуре общества серьезных стимулов к расширению и углублению своих представлений о мире, к продвижению от многоликости правды к единой, но неисчерпаемой истине, даже если направления движения к которой могут быть многообразны.

Если эпоху модерна, несмотря на некоторые исключения, можно охарактеризовать как стремление к рациональности, к познанию объективного мира и его преобразованию в соответствии с результатами познания, то эпоху постмодерна можно охарактеризовать как разочарование в итогах этого, в известном смысле как восстание чувств против разума, мироощущений против рациональности, против претензии на возможность обладания абсолютно истинным знанием, и тем самым как создающую простор для утверждения жизненной правды каждого, но вместе с тем обостряющую противоречия между ними, что проявляется в столкновении культур, различных представлений о должном социальных групп и индивидов. Тогда будущая эпоха, которая, возможно, уже зарождается на наших глазах перед лицом накапливающихся и обостряющихся мировых проблем и осознанием беспомощности попыток разрешения этих проблем в рамках парадигмы постмодернизма должна стать эпохой реабилитации понятия мудрости, способного сыграть роль как в наведении мостов между претензиями каждого на свою жизненную правду, так и в создании инструментов для консолидации мирового сообщества на основе стремления к объективной истине. На промежуточном этапе перехода к культуре нового типа концепция метамодернизма [3], будучи достаточно гибкой, стремящейся нащупать новый баланс, на наш взгляд, может выступать удобной платформой для дискуссий с целью анализа происходящих тектонических сдвигов современности для преодоления недостатков как постмодерна, так и модерна, и формулирования четких целей и задач нового пути развития.

Заключение. Итак, можно допустить, что даже научная картина мира никогда не будет точно отражать всей сложности объективной действительности в силу ограничений, заложенных в языковых структурах, механизмах высшей нервной деятельности и средствах познания, но нельзя не признать важность для жизнедеятельности человечества накопленных им результатов познания, независимо от того, насколько они далеки от совершенства. Известно, что даже знание о незнании уже является важным шагом вперед на пути познания. Было бы неправильным, совершив первый шаг, констатируя трудности познания и необходимость расширения круга возможностей для утверждения жизненных правд каждого, на этом остановиться, не совершая дальнейшего шага, нацеленного на преодоление этих трудностей, расширяя, уточняя и углубляя результаты познания, пробиваясь, насколько это возможно, к объективной истине. При этом очевидна ценность уже самого этого стремления, независимо от трудностей, встающих на этом пути. Важно ставить самые амбициозные задачи, не разрушать, а создавать стимулы для познания объективного мира, ведь «дорогу осилит только идущий».

Если сама по себе абсолютная истина лишь идеал познания, а диалектика абсолютной и относительной истины служит как гносеологический ориентир, то для решения проблем современного общества, помимо научных методов, должны быть простые и удобные инструменты познания массового применения, которые будут способствовать продвижению к этому идеалу. В этом свете считаем актуальным возвращение к незаслуженно подзабытому понятию мудрости, которое требует реабилитации и переосмысления в контексте обостряющихся в современности проблем. В последнее время это понятие оказалось зажато в тисках между, с одной стороны, нападками на него со стороны сциентизма, который не находил ему должного места, полагая, что оно уже устарело и его целиком восполняет понятие научности, а с другой – со стороны постмодернизма, который серьезно дискредитировал это понятие как одно из проявлений власти, подлежащее искоренению. Однако, на наш взгляд, именно понятие мудрости может сыграть важную роль выхода из той историко-культурной ситуации недостатка рациональности в поведении, которая сложилась в современности. Мудрость в данном случае можно рассматривать как инструмент, который через систему образования и культуру будет стимулировать людей к формированию установок сознания на самокритичный, взвешенный подход к анализу ситуации, тонкость и гибкость в мышлении, на избегание в нем крайностей, расширение взгляда на эту ситуацию, дальновидность, поиск баланса интересов и тому подобное. Но вряд ли он был бы эффективен без признания существования объективной истины.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизненная правда – это представление о том, что является истинным и должным, то или иное понимание ситуации и связанное с ним отношение к ней, обусловленное содержанием и состоянием внутреннего мира индивида, в частности, зависящее от затрагиваемых ситуацией потребностей и интересов; ожиданий развития ситуации; точности, глубины и полноты полученной информации; уровня интеллектуальных способностей и компетентности. Поскольку данное отношение может быть наполнено эмоциями убежденности в своей правоте или переживаниями важности ситуации, понятие о нем должно рассматриваться в диалектической связи с понятием объективной истины, в ином случае это не только способствует разрушению стимулов к познанию объективного мира и нравственному самосовершенствованию, но и приводит к жесткому столкновению различных жизненных правд индивидов, социальных групп и целых народов, к обострению проблем, связанных с взаимопониманием и необходимостью нахождения компромиссов. В этом свете понятие мудрости, переосмысленное в контексте обрушившихся на современное общество проблем, может сыграть важную роль. Это может произойти в том случае, если использовать его как инструмент, ненавязчиво стимулирующий людей к формированию тех установок сознания, которые бы способствовали расширению и углублению их представлений на возникающие ситуации и мир в целом, что приводило бы не только к уважительному отношению к позиции других, но и к продвижению от многоликой правды к единой, но неисчерпаемой истине.

Список литературы

1. Андрианов В. Д. Глобальный долг: размер, динамика роста, структура и риски для мировой финансовой стабильности // Белорусский экономический журнал. 2021. № 1. С. 101–117. DOI: 10.46782/1818-4510-2021-1-101-117.
2. Белокобыльский А. В. Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 124–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133.

3. *Берукашвили Л. Г.* Все о метамодернизме. М. : РУСАЙНС, 2018. 74 с.
4. *Балюк И. А.* Мировой внешний долг: структура, тенденции, перспективы // Общество и экономика. 2020. № 5. С. 76–93. DOI: 10.31857/S020736760009733-5.
5. *Брусиловский Д. А., Есипов И. И.* Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51). С. 889–900.
6. *Бусыгин А. Е.* Об исторической правде и художественном вымысле в современном культурно-историческом просвещении // Социология власти. 2010. № 3. С. 18–25.
7. *Демченко О. Н., Дрон А. Е.* Диалектика абсолютной и относительной истины в познании // Культура. Наука. Производство. 2018. № 2. С. 79–82.
8. *Додонов В. Ю.* Исчерпание возможностей стимулирования как основной вызов развития мировой экономики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 25–50.
9. *Ерахтин А. В.* Истина в философии и научном познании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6. Ч. 1. С. 133–135. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-133-136.
10. *Ефремов В. Я.* Синергетика и познание исторической правды (некоторые заметки в осмыслении проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2014. Т. 8. № 4–1. С. 62–70.
11. *Иващенко Н. А.* Проблема корректности использования термина «объективность» для характеристики публикаций СМИ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 3–2. С. 340–344.
12. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1984. 320 с.
13. *Кутырёв В. А.* Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.
14. *Карнаух Е. И.* Интеграция Крыма и Донбасса с Российской Федерацией в контексте полицивилизационной парадигмы Хантингтона // Постсоветский материк. 2022. № 1 (33). С. 13–22. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_1_13.
15. *Левицкий В. С.* Философская экспертиза πολιτικῆς в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. № 1. С. 19–23. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23.
16. *Лимонченко В. В.* Очевидности умозрительной истины и жизненной правды // Поиск истины в пространстве современной культуры : сб. научных статей. СПб. : СПбГУ, 2017. С. 27–42.
17. *Лоскутов Ю. В.* Субстанция морали // Новые идеи в философии. 2019. Вып. 6 (27). С. 93–106.
18. *Максимов Л. В.* О некоторых стереотипах теоретической этики // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 20–33. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
19. *Милитонян А. С.* Генезис и начальная фаза конфликта в Нагорном Карабахе // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 9 (49). С. 1944–1951.
20. *Момджян К. Х.* Об истине и правде // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
21. *Нийнлуото И.* Истина. Абсолютная или относительная? / пер. с англ. Е. Н. Лисанюк, А. А. Савченко // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 17. Вып. 4. С. 16–27.
22. *Орлов В. В.* История человеческого интеллекта : в 3 ч. Ч. 3. Современный интеллект. Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1999. 184 с.
23. Основные тезисы круглого стола «Разум vs постправда: онтология, аксиология, геополитика» / Миронов В. В., Момджян К. Х., Белокобыльский А. В., Козырев А. П., Ефремов О. А., Братерский М. В., Пилько А. В. // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 101–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
24. *Пивоваров Д. В.* Истина и правда: познание отчуждающее и осваивающее // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования : мат-лы 9-й Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : РГППУ, 2012. С. 104–121.
25. *Смирнова Е. Е.* Смысловое наполнение концептов правда и истина в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород : ННГУ, 2016. 272 с.
26. *Сохань И. В.* Истина и правда повседневного // Проблема истины в философии и науке : сб. Всероссийского семинара молодых ученых им. П. В. Копнина. Серия: Философская. Томск : Томский государственный университет, 2008. С. 132–134.
27. *Тазиев Р. М.* Истина и правда // Будущее науки 2020 : сб. научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции : в 5 т. Т. 2. Курск : ЮЗГУ, 2020. С. 167–169.
28. *Тузовский И. Д.* Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257.
29. *Цынарёва Н. А.* «Столкновение цивилизаций»: эффект Charlie Hebdo // Актуальные проблемы медиаисследований : сб. материалов конференции. М. : МГУ, 2020. С. 195–196.

30. Черных С. Н. Справедливость как объективизация категорий «истина», «благо» и «правда» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 11–19.

31. Якимов А. Е. Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия «постправда» // Философия и культура. 2020. № 9. С. 1–8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33801 (дата обращения: 10.07.2022). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801.

32. Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения: 22.02.2023).

Dialectics of truth, verity and wisdom

V. V. Koromyslov

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy,
Perm State Agrarian and Technological University n. a. D. N. Pryanishnikov.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-6115-3631. E-mail: vvk79@mail.ru

Abstract. The article is aimed at rethinking the concept of truth in its relation to the concepts of truth and wisdom. The need for this research is dictated by the aggravation of the contradictions of modern society associated with the lack of incentives for the knowledge of objective truth and wisdom in approaches to conflict resolution. It is proved that it is advisable to consider the concept of truth in dialectical connection with the concept of objective truth, otherwise it not only contributes to the destruction of incentives to cognition of the objective world and moral self-improvement, but also leads to a fierce clash of various life truths of individuals and social groups, to aggravation of problems related to mutual understanding and the need to find compromises. Therefore, dialectics was chosen as the research method, and the Hegelian triad "thesis – antithesis – synthesis" was used as the basis for the construction of the article. According to the results of the conducted research, the vital truth is defined as the idea of the true and proper, this or that understanding of the situation and the related attitude to it, due to the content and state of the individual's inner world. The dependence of the truth of life on the needs and interests affected by the situation; expectations of the development of the situation; accuracy, depth and completeness of the information received; the level of intellectual abilities and competence is shown. It is proposed to rethink the concept of wisdom, which can be used to solve the problems of modern society as a tool that unobtrusively stimulates people to form those attitudes of consciousness that would contribute to the expansion and deepening of their views on emerging situations and the world as a whole, which would lead not only to respect for the position of others, but also to progress from a multi-faceted truth to a single, but inexhaustible truth, even if the directions of movement towards which will be diverse.

Keywords: truth, verity, wisdom, post-truth, metamodern, metamodernism, spiritual crisis, consumer society, conflicts, clash of civilizations.

References

1. Andrianov V. D. *Global'nyj dolg: razmer, dinamika rosta, struktura i riski dlya mirovoj finansovoj stabil'nosti* [Global debt: size, growth dynamics, structure and risks for global financial stability] // *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal* – Belarusian Economic Journal. 2021. No. 1. Pp. 101–117. DOI: 10.46782/1818-4510-2021-1-101-117.

2. Belokobyl'skij A. B. *Krizis ideologii universal'nogo razuma kak vyzov social'noj struktury moderna* [The crisis of the ideology of universal reason as a challenge to the social structure of modernity] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 124–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133.

3. Berukashvili L. G. *Vse o metamodernizme* [All about metamodernism]. M. RUSAINS. 2018. 74 p.

4. Balyuk I. A. *Mirovoj vneshnij dolg: struktura, tendencii, perspektivy* [World external debt: structure, trends, prospects] // *Obshchestvo i ekonomika* – Society and economy. 2020. No. 5. Pp. 76–93. DOI: 10.31857/S02073676909733-5.

5. Brusilovskij D. A., Esipov I. I. *Strategiya mira: global'naya integraciya mezhdru islamofobiej i "stolknoveniem civilizacij"* [Peace strategy: global integration between Islamophobia and the "clash of civilizations"] // *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* – Issues of national and Federal relations. 2019. Vol. 9. No. 6 (51). Pp. 889–900.

6. Busygin A. E. *Ob istoricheskoy pravde i hudozhestvennom vymysle v sovremennom kul'turno-istoricheskom prosveshchenii* [On historical truth and artistic fiction in modern cultural and historical enlightenment] // *Sociologiya vlasti* – Sociology of Power. 2010. No. 3. Pp. 18–25.

7. Demchenko O. N., Dron A. E. *Dialektika absoljutnoj i otnositel'noj istiny v poznanii* [Dialectics of absolute and relative truth in cognition] // *Kul'tura. Nauka. Proizvodstvo* – Culture. The science. Production. 2018. No. 2. Pp. 79–82.

8. Dodonov V. Yu. *Ischerpanie vozmozhnostej stimulirovaniya kak osnovnoj vyzov razvitiya mirovoj ekonomiki* [Exhaustion of incentive opportunities as the main challenge to the development of the world economy] // *Vestnik Diplomatichej akademii MID Rossii. Rossiya i mir – Herald of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world.* 2021. No. 1 (27). Pp. 25–50.
9. Erahtin A. V. *Istina v filosofii i nauchnom poznanii* [Truth in philosophy and scientific cognition] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and socio-educational thought.* 2016. Vol. 8. No. 6. Part 1. Pp. 133–135. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-133-136.
10. Efremov V. Ya. *Sinergetika i poznanie istoricheskoy pravdy (nekotorye zametki v osmyslenii problemy)* [Synergetics and cognition of historical truth (some notes in understanding the problem)] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk – Actual problems of humanities and socio-economic sciences.* 2014. Vol. 8. No. 4–1. Pp. 62–70.
11. Ivashchenko N. A. *Problema korrektnosti ispol'zovaniya termina "ob'ektivnost'" dlya harakteristiki publikacij SMI* [The problem of the correctness of using the term "objectivity" to characterize media publications] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Herald of St. Petersburg University. Series 9: Philology. Oriental studies. Journalism.* 2007. No. 3–2. Pp. 340–344.
12. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii. Izd. 2-e* [Dialectical logic: essays on history and theory. Ed. 2d]. M. Politizdat. 1984. 320 p.
13. Kutryov V. A. *Stolknovenie kul'tur s civilizacij kak prichina i pochva mezhdunarodnogo terrorizma* [The clash of cultures with civilization as the cause and ground of international terrorism] // *Vek globalizacii – The age of globalization.* 2009. No. 2. Pp. 92–102.
14. Karnauh E. I. *Integraciya Kryma i Donbassa s Rossijskoj Federaciej v kontekste policivilizacionnoj paradigmy Hantingtona* [Integration of Crimea and Donbass with the Russian Federation in the context of Huntington's policivilizational paradigm] // *Postsovetskij materik – The post-Soviet continent.* 2022. No. 1 (33). Pp. 13–22. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_1_13.
15. Levickij V. S. *Filosofskaya ekspertiza politiki v epohu postpravdy* [Philosophical examination of politics in the era of post-truth] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika – News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2021. No. 1. Pp. 19–23. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23.
16. Limonchenko V. V. *Ochevidnosti umozritel'noj istiny i zhiznennoj pravdy* [Evidences of speculative truth and vital truth] // *Poisk istiny v prostranstve sovremennoj kul'tury : sb. nauchnyh statej – Search for truth in the space of modern culture : collection of scientific articles.* SPb. SPSEU. 2017. Pp. 27–42.
17. Loskutov Yu. V. *Substanciya morali* [The substance of morality] // *Novye idei v filosofii – New ideas in philosophy.* 2019. Is. 6 (27). Pp. 93–106.
18. Maksimov L. V. *O nekotoryh stereotipah teoreticheskoy etiki* [On some stereotypes of theoretical ethics] // *Eticheskaya mysl' – Ethical thought.* 2016. Vol. 16. No. 2. Pp. 20–33. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
19. Militonjan A. S. *Genesis i nachal'naya faza konflikta v Nagornom Karabahe* [Genesis and the initial phase of the conflict in Nagorno-Karabakh] // *Voprosy politologii – Questions of Political Science.* 2019. Vol. 9. No. 9 (49). Pp. 1944–1951.
20. Momdzhyan K. H. *Ob istine i pravde* [On truth and truth] // *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences.* 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
21. Nijniluoto I. *Istina. Absolyutnaya ili otnositel'naya?* [Truth. Absolute or relative?] / transl. from English by E. N. Lisanyuk, A. A. Savchenko // *Vestnik SPbGU – Herald of St. Petersburg State University.* 2013. Series 17. Is. 4. Pp. 16–27.
22. Orlov V. V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta : v 3 ch. Ch. 3. Sovremennyy intellekt* [History of human intelligence : in 3 parts. Part 3. Modern intelligence]. Perm. Publishing House of Perm State University. 1999. 184 p.
23. *Osnovnye tezisy kruglogo stola "Razum vs postpravda: ontologiya, aksiologiya, geopolitika"* [The main theses of the round table "Reason vs post-truth: ontology, axiology, geopolitics"] / Mironov V. V., Momdzhyan K. H., Belokobyl'skij A. V., Kozyrev A. P., Efremov O. A., Braterskij M. V., Pil'ko A. V. // *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences.* 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 101–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
24. Pivovarov D. V. *Istina i pravda: poznanie otchuzhdayushchee i osvayayushchee* [Truth and truth: alienating and mastering cognition] // *Russkaya filosofiya o chelovekotvorcheskoy osnove gumanitarnogo obrazovaniya : mat-ly 9-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Russian philosophy on the human-making basis of humanitarian education : materials of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference.* Russian Academy of Sciences. 2012. Pp. 104–121.
25. Smirnova E. E. *Smyslovoe napolnenie konceptov pravda i istina v russkom yazykovom soznanii i ih yazykovaya ob'ektivaciya v sovremennoj russkoj rechi : dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic content of the concepts of truth and truth in the Russian language consciousness and their linguistic objectification in modern Russian speech : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod. UNN. 2016. 272 p.
26. Sohan' I. V. *Istina i pravda povsednevnogo* [The truth and the truth of everyday life] // *roblema istiny v filosofii i nauke : sb. Vserossijskogo seminarina molodyh uchenyh im. P. V. Kopnina. Seriya: Filosofskaya – The problem of truth in philosophy and science : collection of the All-Russian seminar of Young scientists n. a. P. V. Kopnin. Series: Philosophical.* Tomsk. Tomsk State University. 2008. Pp. 132–134.

27. Taziev R. M. *Istina i pravda* [Truth and truth] // *Budushchee nauki 2020 : sb. nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii : v 5 t. T. 2* – The Future of science 2020 : collection of scientific articles of the 8th International Youth Scientific Conference : in 5 vols. Vol. 2. Kursk. South State University. 2020. Pp. 167–169.

28. Tuzovskij I. D. *Postpravda kak sindrom Cifrovoj epohi: predel'noe ponimanie fenomena i scenarii budushchego* [Post-truth as a Digital syndrome epochs: the ultimate understanding of the phenomenon and scenarios of the future] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical Thought. 2020. No. 12. Pp. 42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257.

29. Synaryova N. A. *'Stolknovenie civilizacij': effekt Charlie Hebdo* ["Clash of civilizations": the Charlie Hebdo effect] // *Aktual'nye problemy mediaissledovaniy : sb. materialov konferencii* – Actual problems of media research : collection of conference materials. M. MSU. 2020. Pp. 195–196.

30. Chernyh S. N. *Spravedlivost' kak ob'ektivizaciya kategorij "istina", "blago" i "pravda"* [Justice as objectification of the categories "truth", "good" and "truth"] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya* – Herald of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies. 2009. No. 1. Pp. 11–19.

31. Yakimov A. E. *Postpravda i povsednevnost'. K probleme opredeleniya ponyatiya "postpravda"* [Post-truth and everyday life. On the problem of defining the concept of "post-truth"] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and Culture. 2020. No. 9. Pp. 1–8. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33801 (date accessed: 10.07.2022). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801.

32. Oxford Dictionaries. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (date accessed: 22.02.2023).